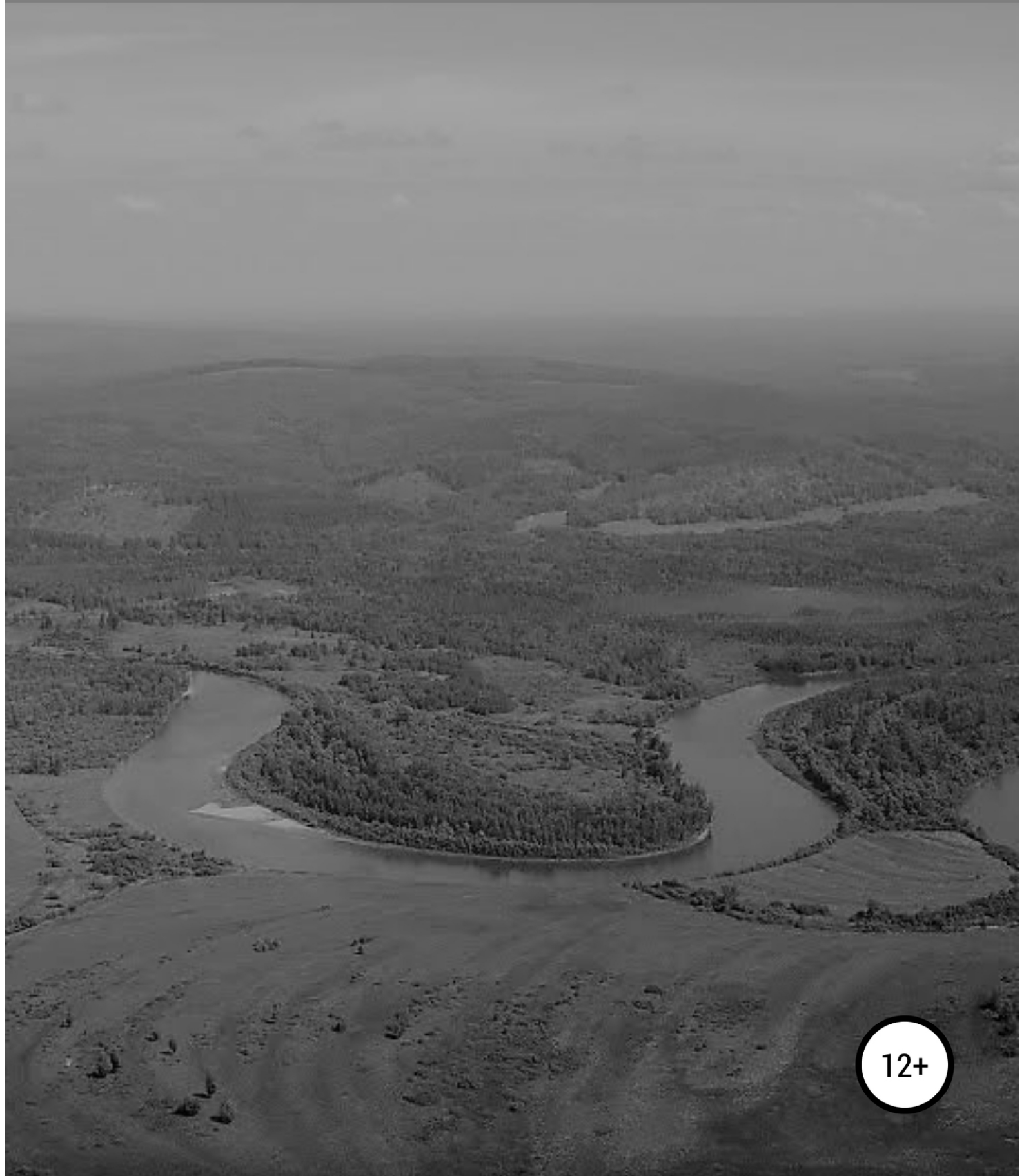

Евгений Гладких

Копия писем к дочери моего друга

12+

Евгений Гладких

Копия писем к дочери моего друга

«ЛитРес: Самиздат»

1975

Гладких Е.

Копия писем к дочери моего друга / Е. Гладких — «ЛитРес:
Самиздат», 1975

Копия писем к дочери моего друга, далекой молодости. Строительство и
падение коммуны.

Содержание

Тетрадь 1	6
Тетрадь 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Евгений Гладких
Копия писем к дочери моего друга

Наши родные живы, пока мы о них помним.

Тетрадь 1

Милая Верочка и твоя семья!

Приношу мое глубочайшее соболезнование в связи со смертью твоего отца, а моего лучшего друга в жизни, той поры далекой нашей молодости, которая нас связала в теснейшую дружбу с ним, за время работы совместно с ним в тридцатые годы в Сибири.

Хотелось бы положить цветы на его могилу, на этот святой холмик и склонить свою голову в величайшей скорби и мыслью о невозвратимом. Под этим холмиком покоится прах Человека с большой буквы, с добрым, щедрым сердцем. Но осуществить для меня это сейчас сложно. Слишком велико расстояние разделяет нас, нет здоровья и условий.

Не убивайся милая Верочка, для тебя это очень противопоказано с твоей болезнью. Для тебя он был и отец и мать. Он дорог был тебе в сердце с ним ты прожила до последнего его вздоха. Процесс этот Верочка необратим. Всех нас ждет такая-же участь и разница лишь в том, что один раньше, а другой позже.

Трудные у него были все годы работы в Сибири и последние в особенности, уже после смерти твоей матери.

Слов нет для тебя утрата тяжелейшая, но надо брать себя в руки, для успешной борьбы с твоим недугом.

Медицина на месте не стоит и для тебя, будем надеяться, кое чего даст нового, полезного, в борьбе за здоровья. Я знал тебя здоровой, красивой девушкой, с добрым сердцем, а прошло немного времени и как все изменилось к худшему.

Со временем, Верочка острота потери будет проходить, сгладится горе, останется в сердце лишь навсегда постоянная тоска о невозвратимом.

Ты не одинока, есть брат, сестры, муж, сын и это поможет тебе. Духом Верочка падать нельзя, это лучшее лекарство для тебя.

Ты просишь Верочка написать тебе об отце все что я знаю, за то время как уже сама все видела, осмысливала.

Ты говоришь, что он не делился с вами за свою жизнь и молодости и здесь уже в Сибири. Это его характер, который рядом уживался с его удивительной добротой, кристаллической честностью.

До того времени как мы с ним встретились и подружились, он воспитывался на Украине у бабушки. Связей каких-то с родителями я не знаю и не замечал.

Бабушка видно была незаурядного ума, коль воспитала таким гражданином, вложив в него и свою честность и доброту.. в отношении отца и матери у него по-видимому была своя тайна.

Но что-же Верочка, опишу тебе, что возвратит мне моя память о совместной работе и жизни с отцом, давно прошедших дней нашей с ним молодости.

Мне и самому будет приятно и грустно вспоминать, восстанавливать в памяти события тех прошедших лет, длиной в 6 лет, проживших с ним рядом.

Но я буду писать не только об отце, и о себе. Наша совместная работа и жизнь была очень тесно связана между нами и отделить одно от другого нельзя, да я считаю и не нужно.

Но это Верочка будет не письмо, а много писем, не на один конверт.

Вернее это будут мемуары за 6 лет прожитых в Сибири.

Пред история нашего знакомства и встречи и что этому предшествовало. Возможно кое чего я тебе не напишу, ибо есть моменты касающиеся лишь меня, но для себя я их вспомню.

С твоим отцом мы служили в Красной армии, в которую я пошел на год раньше. С 1928 по 1930 год. Служили мы в одной 2й Украинской дивизии. Но дивизия своими подразделениями была расквартирована по разным городам Украины. Я служил в Одессе, а отец в Харькове,

который был тогда столицей Украины. На второй год службы нас усиленно стали агитировать , поехать после службы в Сибирь , для строительства с/х Коммун. В особенности это касалось красноармейцев , выходцев с сел. Наша дивизия в начале 29го года начала уже строить такую с/х Коммуну в Красноярском крае, Ачинский р-он , с. Белый Яр. Для ее выделили уже землю, изъятую у местных богатеев с их избами и постройками, которые и были жильем для коммунаров. Село это стоит на бывшем историческом Сибирском тракте, который пересекал этот огромный , мало обжитой край нашей родины , до самых восточных его границ Российской империи. До постройки транссибирской ж-дороги он был связующим звеном всей Сибири.

По тракту везли на лошадях всевозможные грузы в эту глубинку, посту. Скакали егеря загоня лошадей. По тракту скакали тройки с бубенцами и важными седоками, сановниками для которых тройки давали вне всякой очереди. По тракту гнали в любую погоду, пеших закованных в кандалы уголовных преступников, также революционеров, боровшихся за лучшее будущее трудового народа, осмелившихся поднять голос протеста против самодержавия. Гнали их или на вечное поселение или на каторжные работы. Оттуда они уже и не возвращались , за исключением единиц. Погибали они от непосильного труда в шахтах и от тоски по родине. Немало без известных могил этих узников осталось по бокам этого тракта. И так до постройки ж-д, которая и тянется параллельно тракту.

В наши дни тракт благоустроен и по нему мчат автомобили, над ним летят самолеты. Агитация поехать в Сибирь с красноармейцами, проводилась упорно, ежедневно, с поощрением записавшихся и порицанием колебавшихся.

Слово Сибирь тогда еще пугало человека, своей суровой историей, неизвестностью и суровой действительностью. Сколько сложило голов лучших сынов родины, боровшихся против рабского бесправия в этом суровом крае, боровшихся за лучшее будущее своего народа. Об этом мы немного знали, а сколько их погибло, вряд ли знает и статистика. Эта история и нас отпугивала.

Согласившихся было немного. Мы тосковали по отчужденному дому и мечтали о скором конце службы. Но политруки сделали свое дело. Записывалось все больше в том числе и я. Записав-

шихся было две категории. Одна лишь бы отвязались, а другая заболела романтикой и собирались ехать в неизвестное с желанием. Во второй группе был и я.

Пошли мы в публичную библиотеку г. Одессы, чтобы прочитать географию тех мест, куда мы собрались ехать. С трудом такое описание нам нашли и то после чего они узнали зачем нам это. В описании тех мест было все так красочно, заманчиво расписано. Все было в розовом цвете. Не было там написано о крепчайших морозах, о коротком лете, о тучах камора и мошек, которые залазят и в рот и уши, о неустроенности вообще края. В описании как бы там текли молочные реки с кисельными берегами. Но это подняло наш настрой, за поездку. Все населенные пункты там селились или вдоль тракта или ж-д. В этом мы убедились потом сами. И так до самого Владивостока. Такими методами постройки красноармейцами с/х коммун, пытались заселить этот мало обжитой и огромный край.

Для чего это было нужно. Во первых нам на востоке угрожала Япония, а во-вторых надо было использовать природные богатства для родины, а людей было мало. Нужен был приток людей для заполнения вакуума. Сейчас стимулирующим методом является увеличение з/п. Поощрение рублем. Тогда этих рублей еще в стране было мало и надеялись на патриотизм. Частично эти планы удалась, но многие вкусив действительность, возвращались домой. На руках у него документы, что он демобилизован и удержать его могла лишь твоя совесть от дезертирства.

Отсев был приблизительно 60%, но которые остались, были настоящими патриотами и невзирая ни на какие трудности, самоотверженно трудились и не хныкали.

В те годы наша промышленность еще не полностью была восстановлена после войны империалистической и войны гражданской, а нового еще не строилось, не было еще средств. Существовала еще безработица в рабочем классе. Была еще биржа труда где регистрировались безработные и где им давали работу. Другое дело село. Начался бурный процесс перестройки села на социалистической основе. Процесс строительства колхозов и коммун. Наши молодые силы лучше всего можно было применить в селе, и в особенности в Сибири, с её необъятными просторами и богатствами земли.

Нас демобилизовали на м-ц раньше срока и дали на 5 дней отпуск домой. Добирался я домой почти двое суток и обратно столько же. Дома я побыл одни сутки. Прибыло вовремя в часть нас лишь 6 человек. Остальные по-видимому не приехали совсем. На руках у каждого документы о демобилизации. Здесь командование допустили ошибку, полагаясь лишь на порядочность нас. Прождали два дня и решили нас отправлять. Часть снабдила нас на дорогу сухим пайком, двойным комплектом одежды, белья и на больших станциях мы получали горячее питание по линии комендатуры. Меня назначили старшим группы, вручив проездные документы и направлением в коммуну. Немного дали на дорогу денег. Было грустно расставаться с товарищами, со взводом, ротой с которой сдружились. Но пришлось отправляться на поезд. Последнее напутствие командира и шагом марш. Это было в конце сентября 1930г. В Одессе было еще тепло, приветливо светило нам солнышко. Вокзал был недалеко от казарм и мы пошли пешком. Наш поезд уже стоял на перроне. В поезде уже был один вагон для демобилизованных красноармейцев. Но так как нас было всего 6 ч. Мы заняли весь вагон. Частных пассажиров к нам не садили. По-видимому он был забронирован нашей частью в надежде, что все поедут, которые записались. Поезд был составлен из вагонов старого образца и такой поезд в народе назывался «Максим Горький». Он двигался небыстро и подолгу простаивал на станциях, пропуская скорые.

В них ездили в основном мешочники, спекулянты и крестьяне провозившие с/х продукты на рынок. Вагоны переполнены. Подходит к нашему вагону молоденькая дама в шляпке с двумя корзинами в руках. Просит нашего разрешения проехать в нашем вагоне до г. Вознесенска «Новый Первомайск». В те вагоны она не могла залезть со своими корзинами. Я разрешил.

Заходит проводник вагона. Это , что за женщина? Мы сказали , что это наша. Отдал он ключ от вагона нам и сказал , чтобы пускали только военных. Сам он проводник соседнего вагона.

Расположился я на нижнем сиденье, а дамочка напротив. Дело уже к вечеру. Мои товарищи забрались на нары подальше и расположились спать. Сказалась усталость от предотъездных волнений. Познакомились с дамочкой. Валентина недавно закончила учебное заведение и сейчас в школе учительница. Замужем за зав аптекой. Как то получилось , что у нас тема разговора не иссякала. В армии я прочитал много книг, ходил в театры, кино. Шефы снабжали нас билетами. Словом свою культуру немного обогатил , поэтому мы с ней вели разговоры на равных. Она достала с корзины бутылку сухого вина и фрукты. Мы отметили наше знакомство. Задремал. Ночью вышел в тамбур, открыл окно вдыхая свежий воздух. Не заметил как она вышла следом за мной, подошла ко мне сзади , обняла и стала целовать . Я совсем растерялся. Но она меня успокоила и говорит : мы доедим до Вознесенску, где ее встретит мать и выйдем вдвоём с тобой. Я скажу , что это мой муж. Так она первая стала объясняться в любви ко мне. С мужем мол я потом рассчитаюсь. Все это было так неожиданно. До этого в разговоре не было ни слово сказано на эту тему. Понемногу я отошел от своего шока. События развивались стремительно, ибо у нас было мало уже времени. Договорились , что я приеду в коммуну , сдам документы, а сам обратно к Валентине. Сойти с ней я не могу. Военской дисциплины, я не могу нарушить, ведь я старший команды. Мои ребята крепко спят, под стук колёс, а меня роман.

Нам осталось быть вместе очень мало времени, поезд приближался к Вознесенску. На вокзале я вынес её корзины и она докладывает матери, что это ее муж. Бедная старуха, она ее ударила как обухом по голове. Заохала , заплакала, запричитала. Но когда узнала, что я вернусь попозже, успокоилась. Подумав наверное, что время покажет, что будет дальше. Дочь по-видимому была любимая и наверно мать привыкла к причудам её . Паровоз дал гудок и я уехал с обещаниями. Писал ей несколько писем, получал от нее, но быстрое знакомство не дало глубоких корней в чувствах, в сердце. И связь с Валентиной вскоре прекратилась , не оставив глубокого следа в душе.

Поезд неумолимо уносил меня все дальше от Валентины, от отчего дама. По приезду в Харьков мы выгрузились и пошли в штаб нашей дивизии, где нас уже ждала группа красноармейцев, намного больше нашей, но все равно и у них большинство не приехало. В этой группе был и твой отец.

Погрузились мы опять в поезд все вместе в вагон для демобилизованных и не выгружались с него до самой станции Ачинск. Конца нашего путешествия. Получилось так , что в вагоне мы оказались рядом с твоим отцом и с этого момента был рядом все 6 лет.

На станцию Ачинск мы приехали где то в половине Октября. Здесь уже была зима, лежал глубокий снег.

За один перегон от ст Ачинск, в вагон наш сел коммунар наш « Один из первых приехавший сюда». Был он по поручениям в др р-не. Мы от него и получи первое интервью о нашем хозяйстве. Коммуна была недалеко от разъезда Белый Яр, нам еще ехать 12км дальше. Пассажирские поезда здесь не останавливались. Этот коммунар ,когда поезд шел на подъем в районе Белого Яра спрыгнул в снег, чтобы скорее сообщить в правление о высылке лошадей на станции Ачинск, для нас. Выпрыгнул он удачно, мы это видели с окна. Через пару часов за нами пришли лошади с санями. Лошади были хорошие и мы на Сибирских экипажах не успели замерзнуть в шинелях и санях.

Была уже глухая ночь. Столовая коммуны встретила нас остывшими галушками. Но и впредь это меню было у нас преобладающим. Нас это не смущало. За время службы в армии мы отвыкли от домашних деликатесов. На аппетит ни кто не жаловался. Лишь бы чашка поплотней. Нас разместили в избах зажиточных ,куда то высланных. Так мы оказались в одном доме с твоим отцом и еще двумя товарищами. Изба была большая, пустая, холодная. Взяли в хозяйстве железную печку, топчаны на складе, наволочки, матрасов и подушек. Пошли на конный двор, набили матрасы и подушки , овсяною соломой. Так у нас уже появились овсяные перины. Разыскали разбитый стол , сколотили его, а табуретки заменили пока не расколотые березовые поленья. Можно было уже организовывать застолье. Жилье есть, можно уже знакомиться с хозяйством. Познакомился с правлением с его хозяйством, людьми. Мы были второгодниками, а первые уже кое чего сделали. Провели первую посевную и в основном галушки уже были со своей пшеницы! Была небольшая свиноферма, несколько молочных коров. Много было лошадей. На них выполнялись все с/х работы, механизации еще никакой не было. К вечеру нам организовали баню с березовыми вениками. Это процедура с вениками была для нас впервые и она нам понравилась. Этих веников в каждом доме заготавливалось летом великое множество. В каждом дворе была своя баня. Народ , Русский, веселый, чистоплотный. В избах было всегда чисто, приветливо. В этом отношении Украина отставала . До армии например я ни разу не был а бане, да её на все большое наше село и не было. На следующий день при знакомстве с нашим общепитом мы отведали уже горячих галушек. Молодые поварахи с интересом разглядывали нас с вновь прибывших и приглянувшемуся в чашку подкладывали больше и погуще. С первых дней я заметил на себе это внимание, оно долго настойчиво продолжалось. Но взаимности от меня не последовало. Потом уже мне рассказывали, что чего только не подкладывали мне в

чашку, для приворожения, но ничего не помогло этой даме-поварихе. К некоторым коммунаром уже приехали жены, старики. Была уже и своя молодёжь, в том числе и мы.

Село Белый Яр, сравнительно большое, в три улицы и на площади посредине не большая церковь «ныне не работала». Но и как все села Сибири большие и малые, без зелени с добротными избами и такими же надворными постройками. Но вокруг села природа была изумительно красива. Рядом протекала сравнительно большая река Чулым, кругом села луг для скота, а дальше березовый, еловый, осиновый лес с подлеском со смородины, шиповника, черемухи.

Приступили мы к работе с хорошим настроением. Дали нам по две лошади с санями. Подвозили корм для скота, вывозили навоз, подвозили дрова для столовой, бани, правления, дет сада. Ремонтировали скотный двор, ездили на мельницу в Ачинск и др работы. Работы было много. Скоро нас человек 30 с лошадьми направили работать на Краснояреченский вин завод, который находился в 30 км от нас. Поехала и свой повар с продуктами. Коммуна по договору получала деньги с завода за нашу работу. Это была своего рода валюта так необходимая хозяйству, а мы денег не получали. Нас бесплатно кормили и давали крышу над головой. Завод находился за Чулымом в тайге, вдали от ж-д. К заводу был подведен канал откуда то из возвышенности и вода крутила механизмы завода, а береза давала тепло. Она росла здесь рядом.

Общежитие которое предоставил нам завод было тесновато и мы с отцом пошли искать квартиру в приазовском поселке. Коммуна за это платила хозяину.

Тетрадь 2

Все это в сапогах и шинелишках, при крепчайшем морозе.

Туда если ехали порожнем, ехали быстро и замерзнуть не успевали, а обратно всю дорогу трусцой за подводой.

Коммуна ещё не могла нас одевать по Сибирски, она только становилась на ноги и могла заделывать самые необходимые дыры хозяйства. На счету у неё еще были только ноли, да кругленькая сумма задолженности.

В такие сильные морозы надо было следить за собственным носом. Они замерзали первыми, становились белыми, а ты и не замечаешь, пока кто ни будь не укажет на беду. Тут надо быстрее растереть снегом, а останешься без этого органа. Поэтому мы и следили друг за другом. У лошадей забивались инеем ноздри и тоже надо было прочищать.

Один рейс я хорошо запомнил своей трудностью. Надо было ехать за 40 км в г. Боготол за пшеницей.

Естественно мы и туда часто бежали за санями, а обратно всю дорогу на ногах. Нас 5 человек и 10 саней. До этого мы ездили в Коммуну за продуктами и фуражом. Я там заменил захромавшую лошадь, на другую. Дали мне рослого, красивого вороного коня. Ничего не сказав мне о его характере. Обратно, когда ехали с грузом в одной из ложбин мой вороной не захотел везти на подъем, когда все без труда вывозили. Остановился и стоит. Хлестать кнутом опасно. порвет сбрую, поломает оглобли. Отец говорит: давайте мои не много отойдем, авось он не захочет оставаться один. Отъехали, а он стоит. Отец здесь проявил смекалку. Возвратились на моей первой подводе и положили этому упряму еще два мешка пшеницы, сняв с моей первой подводы. Взяли веревку завязали ему за шею, а другим концом за первые мои сани. Один стал погонять первую лошадь и та его потянула на буксире, а мы в четыре кнута давай на его нахлестывать с обоих боков. Даваться ему некуда и он вывез сани на два мешка даже больше. В отместку и я ещё подсаживался на его сани.

В завод приехали уже темно. Ссыпать зерно надо выезжать на эстакаду. Все вывезли, а он стоит. Но мы уже знали как его заставить, опять веревку на шею, а другой конец уже за пустые сани. Нахлестывали ему бока, аж мылом покрылся, но отучили. Если он свой характер опять показывал, то берешь только веревку в руки как он уже понимает, что его ждёт и начинает работать. Я хотел уже его менять, но потом не стал, он был сильный, красивый..

После такой поездки туда и обратно бежишь за санями, развивались аппетиты у нас, повар только давай подливай несколько раз. В столовой наши аппетиты удовлетворялись в

объеме, но не в калориях. Особенно любил покушать Яков теперь забыл уже его фамилию. Но у него и комплекция тяготела к полноте. Дома нас давно поджидала наша добрая т. Паша . была вода горячая, помыться, пыхтел на столе самовар. Мы валились уставшие, промерзшие на постель и мгновенно засыпали. Тетя Паша была наш будильник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.